

Е. Л. Конявская

ПОВЕСТЬ О ЕДИГЕЕВОМ НАШЕСТВИИ В ТВЕРСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Повесть о Едигеевом нашествии в Рогожском летописце и Симеоновской летописи — одна из ярких страниц древнерусской литературы. Ее публицистический пафос неоднократно привлекал внимание исследователей, хотя специальных работ, посвященных памятнику, немного.

А. А. Шахматов лишь отметил сходство фрагментов в Повести о нашествии Едигея Симеоновской летописи и в статье 6916 г. Тверского сборника¹.

М. Д. Приселков не останавливался на этом летописном сюжете подробно, но высказывал мнение, что рассказ об этих событиях в Рогожском летописце (далее — Рог) и Симеоновской летописи (далее — Сим) «был составлен в Твери едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля»².

Л. В. Черепнин³ подробно исследовал тенденции и фактический материал памятников, посвященных нашествию Едигея. В Повести Рог—Сим он отметил попытку глубоко осмыслить события, публицистичность и эмоциональность и отнес составление рассказа к середине XV в. Историк выдвинул предположение, что это произведение явилось полемическим ответом на «ярлык» Едигея, который, в свою очередь, по словам Л. В. Черепнина, был «литературно обработан». Вместе с тем, он не проводил специального источниковедческого анализа летописных рассказов, называл их все «вариантами Повести» и утверждал, что наиболее ранний рассказ содержат Ермолинская, Львовская и Софийская II летописи.

Также о «вариантах» и «редакциях» Повести о Едигеевом нашествии говорил в своей работе, специально посвященной этому сюжету в летописях, И. Б. Греков⁴. Как и Л. В. Черепнин, он считал самым ранним рассказ о Едигее в Ермолинской, Львовской, Софийской II летописях и Московском своде. Текст Рог—Сим он считал тверским, отмечал глубокие познания ее автора как в истории, так и в современной ему политической ситуации, однако не задался вопросом, откуда тверской летописец мог получить целый ряд подробностей событий, происходивших вдали от Твери.

Анализу направленности рассматриваемой Повести о Едигеевом нашествии посвящена большая часть статьи Я. С. Лурье «Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в.». Ученый отметил независимость текстов статей о событиях 1406—1408 г. Повести в Рог—Сим по отношению к Троицкой летописи (и всех восходящих к ее основному источнику более поздних сводов). Повесть Рог—Сим

¹ См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 147—149.

² Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV веков. СПб., 1994. С. 172.

³ См.: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 715—734.

⁴ См.: Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1988. С. 223—236.

Я. С. Лурье назвал «своеобразнейшим памятником — не тверским и не московским»⁵, вслед за М. Д. Приселковым полагая, что над ним трудились тверские летописцы совместно с московскими книжниками, укрывавшимися в Твери в 1408 г. от татарского нашествия. В статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси», посвященной повестям о Едигее, исследователь утверждал, что Повесть создавалась в Твери, однако отражает позицию «человека, тесно связанного с московским великокняжеским двором, но осуждающего политику Василия Дмитриевича в нач. XV в.»⁶. В последующей монографии «Две истории Руси XV века» Я. С. Лурье говорил о тверском сводчике, который, в отличие от московских книжников, создавая Повесть о Едигее, «думал уже об иной политике, независимой и от хана, и от литовского великого князя»⁷. Вместе с тем Я. С. Лурье отнес составление протографа Рог—Сим (в том числе и оформление этой Повести) ко времени после 1430 г. Как и Л. В. Черепнин, Я. С. Лурье учел упоминание старцев в качестве носителей правильной политической линии не только в Повести Рог—Сим, но и в «ярлыке» Едигея и предположил, что в этом можно видеть полемику авторов двух текстов⁸.

Л. Л. Муравьевой доводы Я. С. Лурье относительно независимости текстов о Едигее Троицкой летописи (далее — Тр) и Рог—Сим, по-видимому, не показались убедительными, ибо в ее монографиях говорится о «тверском варианте» Повести или «тверском сочинении, в основу которого положен московский текст»⁹.

Б. М. Клосс, согласно своей идее о «высокоэлитном кружке российских интеллектуалов», считает составителем тверского летописного свода 1412 г. «игумена Кирилла», которого отождествляет с архимандритом Афанасьевского монастыря Корнилием. Он полагает, что «Повесть о Плаве» Тверского сборника «полностью однородна стилистически и идейно с Повестью о Едигеевом нашествии и другими статьями Рогожского летописца и Симеоновской летописи»¹⁰ и пропуск статей в Рог за 1402—1408 г. стал результатом «перераспределения известий между “переработкой 1412 г.” и Тверским сборником» за начало XV в. Следует заметить, что сам подход к изображению событий Едигеева нашествия в Рог и Тверском сборнике (далее — ТвС) различен. Если в ТвС идет, пусть и тенденциозный, но традиционный, летописный рассказ, включающий многочисленные фактические подробности, то Повесть Рог¹¹ представляет собой публицистический опус, в котором ход событий не столько излагается, сколько истолковывается и комментируется. Кроме того, не может убеждать тезис о том, что вышеупомянутый Кирилл адресовал этот текст Варлааму, архимандриту новгородского Юрьева монастыря, дабы разъяснить ему «особенности тверской политической линии».

Материал Повести о нашествии Едигея использовал, анализируя русско-ордынские отношения, А. А. Горский. Не вдаваясь в источниковедческий анализ по отношению к летописным текстам о нашествии, исследователь достаточно подробно остановился на рассмотрении политического значения апелляции к старцам в Рог—Сим и «ярлыке» Едигея. Убедительно опровергнув предположения о фальсифицированности грамоты¹², историк пришел к выводу, что противоречия между трактовкой

⁵ Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

⁶ Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 198.

⁷ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 62. Л. В. Черепнин, напротив, считал, что в этом рассказе отразилась консервативная политическая позиция (см.: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 722).

⁸ См.: Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в. С. 296—297.

⁹ См.: Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991. С. 176; Она же. Рогожский летописец XV века. М., 1998. С. 128.

¹⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. М., 1998. С. 105.

¹¹ Поскольку в тексте Повести в Симеоновской летописи присутствует соединение двух источников (один тождествен Рогожскому, второй в самом начале Повести содержит дополнительный материал, совпадающий с текстом Московского свода), в дальнейшем анализе целесообразно опираться на текст Рогожского летописца.

¹² См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2001. С. 128—131. Тем не менее, сомнения в подлинности «ярлыка» продолжают высказываться, см.: Кузьмин А. В. Из истории Можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. (Вельяминовы,

обращения к старцам в летописях и «ярлыке» нет, ибо в первом случае речь идет о возможности или невозможности с татарами военного союза, а во втором — о выплате дани.

С литературоведческих позиций, в первую очередь, с точки зрения стиля, рассматривала Повесть о Едигее Н. В. Трофимова, которая выразила сожаление, что «мысль о принадлежности ее перу Епифания Премудрого была высказана Н. Ф. Дробленковой и Г. М. Прохоровым в статье “Епифаний Премудрый”, опубликованной в подготовительных материалах к “Словарю книжников и книжности Древней Руси”, но затем «исключена ими из самого словаря»¹³. Исследовательница усматривает в стиле Повести «элементы стиля “плетения словес”». В качестве признаков этого стиля она называет использование «сложных двухкорневых слов», носящих «ярко выраженный оценочный характер»¹⁴; использование «парных сочетаний слов, имеющих синонимический характер», «параллельных и сходных синтаксических конструкций»¹⁵ с созвучиями, а также «триады однородных членов»¹⁶. Кроме того Н. В. Трофимова отметила «широкое использование библейских текстов»¹⁷.

Прежде чем анализировать Повесть о Едигее в Рог, необходимо попытаться решить вопрос о фрагменте (речи старцев), который повторяется и в Повести о Едигее Рог, так и в так называемой «Повести о Плаве» ТвС. Какая из Повестей имела этот текст изначально, а какая заимствовала?

Нельзя не заметить, что в Рог повествование строится последовательно, и все комментарии и разъяснения причин развития событий не нарушают единой логической линии. Общий фрагмент, включенный в речь старцев, следует за пространным пассажем о льстивых усилиях Едигея убедить Василия I (а параллельно и Витовта) в единстве их интересов, союзничестве и сообщением о том, что, когда русские и литовские войска встали на Плаве, приходит обещанная Едигеем помощь: «Тогда же и Татарове приидоша къ Плавѣ в помощь Руси»¹⁸. Старцы вспоминают Киев и Чернигов XII в., пострадавшие от сговоров князей с половцами, и высказывают недоверие Едигею, ибо, по их мнению, он лишь хочет выяснит «наряд» союзников, чтобы потом, напав на русские земли, использовать эти знания. Далее поясняется, что на Москве в это время не было «боярь старыхъ», а только «юнии», не способные дать князю правильный совет, что и привело к трагическим последствиям. Ко мнению старцев обращается автор Повести Рог и в рассказе об отношениях со Свидригаило. Наконец, этот мотив превалирует в заключении Повести.

В ТвС же о Едигее заранее речь не идет. Серьезного вреда союзничество с татарами в походе, закончившемся Плавским стоянием, не было, а связь слов старцев, заканчивающихся резюме летописца «яко же и сбытсѧ», с последующими бедами Руси не прослеживается. Не содержится в ТвС никаких разъяснений по поводу «старых» и «юных» бояр Василия Дмитриевича¹⁹.

Но даже отвлекаясь от фактографии, надо согласиться, что общая тенденция Повести Рог соответствует такого рода экскурсам. Вспомнив в начале Киев и Чернигов, автор завершает свой рассказ ретроспективным обращением к традициям древних летописцев, ища оправдания тому, что в его высказываниях звучат нелицеприятные оценки событий и действий князей. Автор Повести сравнивает

Валуевы, Новосильцевы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. СПб., 2006. С. 233.

¹³ См.: Трофимова Н. В. Об использовании агиографического стиля «плетения словес» в воинских повестях XV в. // Мир житий. М., 2002. С. 170–174. Надо заметить, что эта «мысль», равно как и отказ от нее принадлежит только Г. М. Прохорову, автору обеих работ, Н. Ф. Дробленковой же составлялась библиография к статьям (см.: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 88; Он же. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. I. Л., 1988. С. 216–217).

¹⁴ Трофимова Н. В. Об использовании агиографического стиля «плетения словес» в воинских повестях XV в. С. 171.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 173.

¹⁷ Там же. С. 172–173.

¹⁸ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 180 (далее ссылки на стб. в тексте в скобках).

¹⁹ О «юних» боярах упоминается в ТвС позже — в рассказе о Рязанском побоище (см.: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 480).

себя с «начальным летописцем Киевским», который излагал историю «не обинуясь», т. е. беспристрастно, а затем Сильвестром Выдубицким, писавшим летопись при Владимире Мономахе, «не украшаа». Вспоминает он также и о прежних князьях-заказчиках, инициаторах летописания (предвосхищая таким образом возможную негативную реакцию «властодержец», которым все написанное в Повести «не лѣпа... зрится»): «первые наши властодержци безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати» (Стб. 185). Наконец, к обобщению прибегает автор Повести и в заключении, где, как уже было сказано, апологетика старчества звучит как некий итог и «мораль»: «юнии старцевъ да почитают и сами едини без искуснѣших старцевъ всякого земльскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старечество, понеже и Богомъ почтено есть старечество» (Стб. 185).

Интересно, что в ТвС использован и этот текст, но без прямого упоминания старцев:

Рог	ТвС
Мы же симъ учащесе, таковая вся приключышася въ дни наша не преминухом, властодержецъ наших дозрящих сих, таковымъ вѣщем да внимают, юнии старцевъ да почитают и сами едини без искуснѣших старцевъ всякого земльскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старечество, понеже и Богомъ почтено есть старечество...	Подобно есть здѣ писаниемъ назнаменати, <u>властодръжець</u> ради, рекше князеи ради: не <u>сами</u> точию, <u>без искуснѣшихъ</u> , вся простѣши, от своя мудрости и <u>самочиную(тъ)</u> или паки силѣ и величеству надѣющесе на братию, да не възносятся; но зѣльнымъ смотрениемъ да зрятъ сея случившаяся вещи... ²⁰

Приведенный выше фрагмент «Повести о Плаве», содержащий заимствования, еще более явно, чем речь старцев, обнаруживает свою искусственность. Он начинается с обращения к некоему Варлааму²¹: «Довлѣтъ же здѣ о сем писати, отче боголюбивый Варлааме, таковыя ради вещи; отселѣ убо не въсхотѣ сынове тверстии помагати москвичемъ на Литву»²². Длинное отступление заставило автора дважды повторить одни и те же слова — после рассуждений о властодержцах в Повести вновь читается: «и тоя ради единая вины не въсхотѣша тверичи помагати москвичемъ»²³. Ссылка на осуждение старцами политики Василия Дмитриевича прозвучит в ТвС еще раз — уже в рассказе, озаглавленном «О побоищи Рязаньскомъ», который читается в той же летописной статье 6916 г. — и вновь по поводу взаимоотношений князей безотносительно к татарам.

Таким образом, возникновение общего текста Повестей нужно отнести к моменту написания Повести о нашествии Едигея в Рог.

Историографическая традиция сходится во мнении, что рассматриваемая Повесть создавалась в Твери, но со слов московского информатора-очевидца событий. Однако все было бы просто, если бы московского информатора выдавал только богатый фактический материал. Тем не менее в Повести парадоксальным образом сочетаются пиетет перед великим князем и весьма серьезная критика его политики. «Боголюбивому и православному самодръжцю великому князю Василию Дмитриевичу столь русскыя хоругви дръжащу, и христиане благоденствовахут во дръжавѣ его, и земля Русскаа, миром украшаема, всѣх добрых исполнився благодѣвѣтѣше» (Стб. 178), — такие слова свидетельствуют не просто об авторских симпатиях, а о безусловном признании верховенства московского князя, ибо он предстает правителем всей Русской земли. Правда, это единственный случай употребления таких лестных характеристик и пышного титулования Василия Дмитриевича в Повести. Далее он упоминается

²⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 476.

²¹ Вопрос о личности Варлаама на сегодняшний день не нашел окончательного решения, наиболее приемлемым остается предположение А. А. Шахматова и А. Н. Насонова о том, что это обращение было вставлено уже на последнем этапе формирования ТвС и имеется в виду митрополит Варлаам (см.: Шахматов А. А. Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909. С. 4; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 1930. № 10. С. 742–745).

²² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 475–476.

²³ Там же. Стб. 476.

как «великий князь Василий» или просто «Василий». Но даже если эти апологетические по отношению к Василию I выражения были в рассказе очевидца-москвича, которым воспользовался тверской книжник, это не объясняет причины, по которым они были им сохранены в неприкосновенности. Такой незаурядный сочинитель, обладающий самостоятельностью в оценках и собственными идеями о правильной русско-ордынской и русско-литовской внешней политике, не допустил бы в своем тексте несообразных его представлению высказываний. Не могли быть они вставлены и при окончательном редактировании летописного памятника (т. е. Рогожского летописца), так как читаются и в Симеоновской летописи. Более того, этот текст напоминает подобное славословие великому тверскому князю Михаилу Александровичу в рассказе об обновлении Спасского собора: «Обновлена бысть святаа великаа преславнаа соборнаа преподобнаа църкви Спаса Вседръжителя в добрѣм, в законнѣм, велицѣм градѣ Тѣрѣри боголюбивым дрѣжавнѣм великим князем Михаилом Александровичем». И далее о храме говорится, что он «дрѣжавное одѣние граду своему дарова и божественую пищу вѣрных сердца присно веселя» (Стб. 166). Общая тенденция в сходных выражениях представлять князей боголюбивыми самодержцами, обеспечивающими своим землям благоденствие, склоняет к предположению, что эти тексты создавались или редактировались одним автором.

Как же объяснить славословие Василию Дмитриевичу в Повести, достаточно критически оценивающей его действия? Можно предположить что этот пассаж служил, с одной стороны, необходимым, с точки зрения автора, знаком лояльности по отношению к великому князю, а с другой — был нужен для того, чтобы обосновать появление враждебных замыслов у татар, которые «не можаху завистию зрѣти толика посѣщенія челоувѣколюбца Бога на христоименитых людех, завистию поджигаемы бывахут, не тръпяхуть зрѣти исплъненія земле Русскыя и благоврѣменства християньска, многажды покушася приити и разорити таковыя красоты величество и славу отторгнути христоименитых людий» (Стб. 178). Аналогичным образом будет истолковывать приход в Тверь Чол-хана в 1327 г. автор «Предисловія лѣтописца княженія Тѣрскаго». Чол-хан, по его словам, позавидовал могуществу Александра Михайловича: «на сего Александра зависть въземшеса». До этого в «Предисловии» говорится, что «дрѣжавный Александр» владел «землею Рускою», «повсюду честному его имени възносящеса», и обозначается огромная территория, которая была подвластна Александру Михайловичу как великому князю владимирскому.

Итак, несомненно, что две мысли особенно важны для составителя Повести — о пагубности доверия и союза с татарами и окружения себя «юными» советниками вместо «старцев». Считая, что эти идеи в качестве уроков должны извлечь из чтения «властодержцы», составитель Повести вновь и вновь возвращается к ним, выделяя и подчеркивая их в наиболее наглядных моментах повествования.

Уже во вступлении автор Повести характеризует обычаи «измаилтян» лестью и коварством, обещанием «мира глубока» почестями и дарами вызывающих к себе доверие. Мир же этот на самом деле оказывается «лукавым». О «лукавом мире» снова будет сказано чуть далее — когда автор будет говорить о зависти «измаилтян» процветающей Русской земле. Затем еще раз прозвучит: «злохитрено мирують съ нами», «мирѣ глубокоѣ злохитро поставляше» (Стб. 178—179).

Последовательная тенденциозность автора обнаруживается и в том, что основные мысли достаточно абстрактного вступления, где определены обыкновения татар — прельщать, не держать слово и коварно использовать доверие, — почти дословно повторяется уже применительно к конкретной ситуации и к конкретному «князю измаилтейскому» — Едигею. Здесь и Едигеева «любовь злохитрна» к Василию, «честь» и «дары», и обещание «мира глубока». Наконец, когда Едигей узнает о заключенном на Угре мире с Витовтом и собирается идти на Русь, на «своего сына» «вмѣсто добрых съ губительством», автор напрямую обращается к будущему читателю (а как ясно из его последующего отступления о летописцах и заказчиках летописей, адресует свой труд он, в первую очередь, князьям): «Разумѣти же убо нам лѣпо есть на семь и памятовати, хотящимъ по сих любовь имѣти съ иноплеменныкы» (Стб. 182).

В уже упомянутом вступлении автор говорит, что, используя лесть и наветы, татары стремятся нарушить любовь между «ближними» и подвигнуть христиан на «усобную рать». Поселя в христианских людях «рознь», они служат сатане. Было ли это данью традиции — так интерпретировать политику Орды — или под рознь и междоусобной ратью понималась война с Витовтом? Нетрудно заметить, что каких-то явно отрицательных характеристик Витовту в Повести не дается. «Некий гнев» между Василием и его тестем трактуется летописцем как обычные трения между соседями — «нѣкыхъ ради земьскихъ вещеи, яко же обычаи бѣ землямъ» (Стб. 179). Дважды в Повести подчеркивается, что Витовт и Василий приходятся друг другу родственниками²⁴. «Обиды» между правителями обрадовали «враждолюбительного» Едигея — так снова абстрактные заявления автора во вступительной части, где говорится о стремлении татар вносить раздор между христианами, подтверждаются реальными фактами, о которых говорит автор. Это двойная игра Едигея, который обещает Василию поддержку против Витовта, а Витовту тоже дает какие-то советы. Правда, здесь в качестве побудительного мотива действий Едигея летописец называет уже не служение сатане, а желание ослабить обоих правителей: «да они, рать счинивше, воя сии изгубят, аще ли не ключиться рать межи има, да поне собираючесь и воюючесь и разно расходящесь всяко трудни будут» (Стб. 179).

Согласно Повести именно благодаря «свадам» «ратолюбца» начали воевать Русь и Литва, причем говорится о «расколѣ» «межи князема», как если бы речь шла о внутреннем междоусобии. Такого же рода аналогия проходит и в речах старцев, вспоминающих далекие времена, когда половцев приводили в помощь на «брань межу собою», «братъ на брата». Вместе с тем о конфессиональной принадлежности Витовта прямо не говорится, он просто причисляется автором к христианам, хотя Витовт, как и Свидригайло, переходил из православия в католичество²⁵.

К Свидригайло в Повести отношение иное, хотя последний выступает не противником, а союзником Василия. Автор осуждает «москвичей», которые отдали в чужие руки «мало не половину великаго княжения всея Руси», в том числе и Владимир (именно он для тверского автора, а не Москва, является «столом» Русской земли). Старцы тоже осуждают такой поступок великого князя. Летописец говорит, что Свидригайло «ляхъ бѣ вѣроу» (затем — «ляхъ гордыи»), подчеркивает конфессиональные различия между ним и русскими: литовский князь ни разу не пришел к чудотворной Владимирской иконе, забвение ее — отдавание в руки «ляха» — и привело к трагическим последствиям. С уже нескрываемым сарказмом дано описание того, как повели себя «храбрии наши ляхове» во время татарской агрессии: «мужьственныя их лысты токмо на бѣгъ силу показаша, быша еще наших же людии грабаче и губяче» (Стб. 183–184).

Таким образом, по-видимому, нельзя говорить о единой концепции автора Повести в оценке русско-литовских отношений²⁶. Он не приемлет поступок Василия Дмитриевича, отдавшего земли Свидригайло, но Витовт вызывает у него, как минимум, уважение. Видимо, здесь сказывалась политическая позиция (и родственные связи²⁷) тверского княжеского дома по отношению к Литве вообще и к великому князю Витовту в частности. Что же касается восприятия Витовта как христианина (что объединяет его с Василием), в то время как Свидригайло трактуется как «лях вѣроу», т. е. католик, это может быть

²⁴ Такая трактовка не могла быть результатом существенно позднего редактирования, т. к. та же тенденция прослеживается в ранней МАк, где при описании длившегося три года конфликта все время подчеркиваются родственные отношения воюющих правителей (см.: ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 538).

²⁵ См.: *Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań, Wrocław, 1999. S. 211* (благодарю А. В. Кузьмина за указание на эту работу). Скорее всего, на его смены конфессий иронично намекает летописец в сообщениях о походе Витовта на Псков и далее — о перемирии с Василием до Петрова дня (в ТвС), называя его «многобожным» — едва ли литовского князя в это время могли считать язычником (см.: ГИМ. Муз. № 288 б. Л. 181 об. (Забелинский список ТвС); ПСРЛ. Т. XV. Стб. 473). Псковские же летописи определенно называют его «отступник правыя вѣры» (Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 28; М., 1955. Вып. 2. С. 31).

²⁶ Такую концепцию пытался сформулировать Л. В. Черепнин, утверждая, что по вопросу русско-литовских отношений позиция автора «близка к его взглядам на взаимоотношения русско-ордынские» (Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 725).

²⁷ Иван Михайлович был женат на сестре Витовта.

объяснено тем, что Повесть окончательно оформлялась в период с 1411 до 1414 г., когда Витовт, приняв митрополита Фотия, поддерживал с русской митрополией хорошие отношения²⁸.

Идеи автора Повести о значении старцев неоднократно подвергались анализу и по-разному интерпретировались учеными (вплоть до диаметрально противоположных трактовок: консервативные — прогрессивные, традиционные — новые). И, разумеется, такие исследования не обходили вниманием еще один памятник той же эпохи, где упоминаются старцы. Это так называемый «ярлык» Едигея, в котором последний высказывал претензии Василию Дмитриевичу, сформулированные, скорее всего, для того, чтобы оправдать нападение на русские земли. «Ярлык» читается в НІV, НК2 и упоминается в ряде других более поздних летописей²⁹.

Исследователи давали различные политические трактовки такого противопоставления «старых» и «юных» в трех памятниках. Нельзя, однако, исключать, что в совпадении мотива «старцев» в двух памятниках — Повести о Едигее Рог и «ярлыке» Едигея (хотя и с разных позиций) — и повторении его в третьем — «Повести о Плаве» — отразились не только идеологические моменты, но реалии того времени. Возможно, в окружении Василия Дмитриевича перед нашествием Едигея действительно преобладали его сверстники³⁰. Так, характерно, что при составлении первой духовной грамоты Василия Дмитриевича присутствовал Федор Федорович Голтяй — младший брат Ивана Федоровича Кошкина³¹, а в двух последующих духовных его нет. К младшему поколению относится и первый боярин в грамоте — князь Юрий Иванович, ибо, как было показано в исследовании В. А. Кучкина, есть весомые основания отождествлять Юрия Ивановича с Юрием Патрикеевичем следующих духовных Василия Дмитриевича³². Таким образом, считая еще Ивана Федоровича Кошку, как минимум, трое из 7 бояр I духовной принадлежали к молодому поколению. Дополнительный материал, касающийся боярского окружения Василия I, дает список бояр, оставшихся в осаде в Москве, читающийся в ТвС. Здесь названы Константин Иванович (Добрынский), Константин Дмитриевич (Шея), Иван Дмитриевич (Всеволож)³³, Дмитрий Васильевич, Михаило Федорович Морозов, Иван Федорович (Кошка), Филипп Васильевич, Александр Федорович (Беззубец, младший брат Ивана Федоровича Кошки и Федора Федоровича Голтяя). Если принимать отождествление С. Б. Веселовского, то Дмитрий Васильевич — это иное имя Дмитрия Афинеевича, который присутствует в первой духовной Василия Дмитриевича. Ранее он был боярином митрополита Киприана³⁴. Из этого списка «молодыми» можно считать Ивана Дмитриевича Всеволожа, Ивана Федоровича Кошку, Александра Федоровича Беззубца. Неизвестен Филипп Васильевич и Михаил Федорович Морозов. Возможно, имелся в виду Семен Федорович Морозов, который впоследствии служил Юрию Дмитриевичу. Возможно также, что в списке назван неизвестный родословцам и родословным книгам сын Федора Ивановича Морозова, которого звали Михаил. Так или иначе этот Морозов тоже должен был быть относительно

²⁸ См.: Флоря Б. Н. Витовт // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 580. Другой вариант — время после 1420 г., когда эти отношения восстановились вновь, но тогда нужно допускать промежуточный вариант бытования Повести (чему нет никаких показаний), т. к. подробности военных действий, осады и т. д. не могли такое долгое время сохраняться в памяти, не будучи зафиксированными письменно.

²⁹ Ни в Рог, ни ТвС о «ярлыке» ничего не говорится, равно как и о претензиях Едигея: он идет на Русь только потому, что был «кровожелательным» воплощением зла, «радуясь пагубѣ и крови челоуѣчьстѣ».

³⁰ В подобном ключе «ярлык» Едигея рассматривается Л. И. Ивиной (см.: Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. Ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 126). Исследовательница, в отличие от своих предшественников, считает первичной редакцию, опубликованную в СГГД. При этом она не привлекает к рассмотрению список бояр-послухов из I духовной Василия Дмитриевича, а также список бояр, сидевших в осаде в Москве, согласно рассказу о Едигее в ТвС.

³¹ Именно Иван Федорович в «ярлыке» Едигея назывался новым любимцем великого князя, противопоставляясь его отцу — Федору Кошке, при котором соблюдался установленный Ордой порядок.

³² Кучкин В. А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 157.

³³ Только в Забелинском списке.

³⁴ См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 433.

молодым человеком. Таким образом, из восьми названных бояр один не идентифицирован³⁵, а четверых можно отнести к молодым.

Исследователи Повести отмечали, что ее автор склонен больше рассуждать по поводу событий и политики правителей, нежели рассказывать о произошедшем. Это действительно справедливо, но лишь по отношению к первой части Повести. С момента вторжения Едигея в русские земли публицист уступает место рассказчику. Однако и в предыдущем тексте можно обнаружить фактические детали, которых нет в Повести Троицкой летописи.

Так, подробно рассказывается об обстоятельствах приближения Едигея. Последний, чтобы усыпить опасения Василия Дмитриевича, шлет в Москву посла, сообщая, что «царь» идет на Витовта, и просит оказать царю честь, отправив к нему навстречу «или брата, аще ли то единого от вельмож». Василий посылает «вельможу» некоего Юрия³⁶. Юрий был схвачен, а кто-то из его дружины приносит великому князю весть о том, что Едигей уже близко.

Далее, в отличие от Тр, в Рог поясняется, почему великий князь не выходит навстречу врагу, а вместе с семьей уезжает в Кострому: Василий «не успѣ ни мала дружины собрати» (Стб. 182).

В следующей части Повести автор особенно подробен. Он говорит о панике, охватившей людей, начавшихся грабежах, о чем не упоминалось в других источниках. О решении москвичей жечь посады говорится и в Тр, но в Повести Рог дано описание того, как это происходило. Описание это ярко эмоционально: «жалостно» видеть горящие церкви — «въ единъ час въ пламы восходяща высокими стоянми величество града Москвы украшаху». Эти слова еще раз подтверждают, что писалась Повесть со слов очевидца и, скорее всего, москвича. Однако составитель Повести сохраняет этот рассказ, дабы использовать его для скрытого осуждения великого князя, который бросил Москву на произвол судьбы, а затворившиеся в городе отдали приказ сжечь прекрасные храмы и не предприняли ничего для спасения людей, оставшихся за пределами кремля. По-видимому, не случайно, в отличие от московского рассказа, где сказано, что посад сожгли, «боящесе перемета», в Повести это решение не объясняется. Рисуется впечатляющая картина пожара под стенами города: «Въ тѣи час видѣти година бѣ страшна, человеком мятущимся и вопиющим, и великия пламы гремяща на воздухъ въсхожаху, и град обстоимъ плѣкы безбожных иноплеменникъ» (Стб. 183).

Время, когда татарские полки стали располагаться «на поли града», автор определяет как «дни же пятку соущу тогда», и далее уточняет: «уже к вечеру клонящуся». В Тр (по выписке М. Н. Карамзина) указано, что Едигей подошел к Москве 1 декабря в субботу «до обѣда», в С1 называется пятница 23 ноября³⁷. Какое число имел в виду автор Повести? 23 ноября в 1408 г. было действительно пятницей, а 1 декабря — субботой. Более вероятно, видимо, предположить, что имелся в виду вечер 30 ноября, т. к. далее будет сказано, что Едигей стоит под Москвой уже 20 дней³⁸, а уйдет после дня памяти митрополита Петра (20 декабря)³⁹. Именно эта дата 30 ноября читается в соответствующем рассказе ТвС⁴⁰.

³⁵ Не исключено, что неизвестный боярин был боярином одного из братьев Василия Дмитриевича, сидевших в осаде, или — Владимира Андреевича.

³⁶ М. Н. Тихомировым он назван боярином (см.: *Тихомиров М. Н. Древняя Москва. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв.* М., 1999. С. 69). В. А. Кучкин отождествляет его с боярином Юрием Васильевичем Грункой (см.: *История Москвы с древнейших времен до наших дней.* В 3-х т. М., 1997. Т. 1. С. 78).

³⁷ Есть в летописях и другие даты, в одних случаях возникшие по ошибке писцов: 23 декабря — в Летописи Авраамки, в других случаях их истолкование требует дополнительных разысканий. Так, в Сокращенных сводах названо 26 ноября, а в Софийской II и Львовской называются обе даты: 26 ноября и 1 декабря: «А Едигѣи прешед, ста в Коломенском ноября 26, декабрь же 1 распусти по всей земли вой» (ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 2. Стб. 29). В МАк и ростовском Летописном своде XV в. читается 5 декабря, что входит в противоречие с их же указаниями на стояние под Москвой Едигея в течение трех недель и уходе в «канон» памяти митрополита Петра (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 538; *Материалы по истории СССР.* Т. 2. М., 1955. С. 307).

³⁸ Примерно о таком же сроке говорится в Тр и ТвС: три недели.

³⁹ Как уже отмечалось, в МАк и Летописном своде конца XV в. говорится о «каноне» памяти митрополита Петра.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 483.

Только в рассматриваемой Повести говорится, что осажденные стреляли из города, поэтому Едигей стоял «на поли града, не смѣяху бо близ града стати» (Стб. 183).

Необычно выглядит описание полного торжества татар и беззащитности перед ними русских. Татарскому войску, остановившемуся в Коломенках, никто не противостоял, что приводило в ужас мирное население: «люди ужасъшася, ни единаго же противу ему стояща». «Распустив» войско, Едигей дал возможность своим воинам убивать и забирать в плен людей, при этом нет речи не только о сопротивлении, но и о попытке защититься: «Да аще явиться где единъ Татаринъ, то мнози наши не смѣяхоут приблизитися ему, аще ли два или три, то мнози Руси, жены и дѣти мечюще, на бѣгъ обращахоуся» (Стб. 183). Автор Повести видит в этом божественное наказание за грехи и, видимо, использует мотивы топоса «Какъ поженеть единъ тысяцы, и два двигнета тмы» (Вт. 32: 30). Здесь же упоминается некое знамение от иконы в Коломне, которое было предвестником случившихся бед: «Здѣ съврѣшися въ челоуѣцѣхъ, еже преже бывшее знамение истекшаа крови на Коломнѣ от иконы» (Стб. 183). В большинстве летописей есть сходное сообщение о знамени от иконы под 6915 г., но не в Коломне, а на Пахре: «Бысть знаменіе на Похрѣ: иде кровь отъ иконы святаго Богородица»⁴¹. Лишь в ТвС под 6916 г. в ряду известий зимы 1408 г. оно читается в следующей редакции: «Тои ж зимы, въ странѣ Московстѣи, близ Коломны, и бысть знамение на Похрѣ, въ церкви святаго Николы: от иконы истече кровь, и наполнися съсудецъ воцанъ» (Стб. 479), т. е. объединены оба географических пункта⁴². В последней части рассказа о Едигеевом нашествии в Тр говорится о разного рода знаменьях, бывших перед нашествием, в том числе и о том, что от икон «кровь идяше».

Перед самым заключением рассказчик сообщает о бедах, постигших земли Тверского княжества: «Тѣмѣрѣскаго настолования дому святаго Спаса взяша волость Клиньскую и множество людий поѣшока, а иныхъ въ плѣнъ поведоша», а далее говорит о дороговизне хлеба в следующем году и обогащении за счет этого «житопродавцев»⁴³.

Из Тр известно, что Едигей снял осаду и, взяв окуп, поспешил в Орду, срочно позван ханом, власть которого и жизнь находились под угрозой. Причем составитель этого рассказа осведомлен о событиях в Орде в подробностях, которые он и поведал в своем повествовании. В Рог же побуждение Едигея уйти приобретает мистический характер. Бог, по молитвам русских людей, «наложи на измаильянина страх», и татарский князь, собиравшийся зимовать в Русской земле, внезапно «възмоися», «нача мястися, ни единаго дни не може премедлити». Нет никаких указаний на то, что ему пришла весть, он уходит под воздействием «мысли»: «Или царство инъ въсхитит, или Василии окопиться на ны». Как можно видеть, это даже не мысль, а ощущение опасности, которая может воплотиться в совершенно разных угрозах: кто-то «инъ» захватит царство (почему именно сейчас?), или Василий соберет силы на его войско (но ведь до этого таких опасений не было!). Эти необъяснимые страхи Едигея оказываются настолько сильны, что он не хочет ждать «ни единаго дни». Автор подчеркивает, что он сам просит мира, и «якоже въсхотѣша гражанѣ, тако смирился съ ними окаяннии Едегѣи и отиде» (Стб. 185).

Причины, по которым в Повести, в отличие от Тр, отсутствует свидетельство об окупе, могут быть различными. Возможно, очевидец, давший информацию автору Повести, покинул место событий ранее и не застал выплаты денег. Может быть, сочинителю размер окупа показался небольшим, и это дало ему возможность считать, что мир был заключен на условиях москвичей⁴⁴. Но учитывая ту

⁴¹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 405.

⁴² Возможно, Коломна была ближайшим центром по отношению к церкви (или монастырю), о котором говорится. Известие это передано в ТвС с большими подробностями и последующими благочестивыми рассуждениями; из него следует, что Василий Дмитриевич, узнав о знамени, советовался с епископами и архимандритами и был объявлен сорокодневный пост.

⁴³ Сокращенный вариант этого известия читается в НГВ и НК1.

⁴⁴ А. А. Горский отмечал, что сумма 3000 рублей «в два с лишним раза меньше ежегодной дани с великого княжения» (см.: Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 293). Если же сравнивать суммы окупа, то можно вспомнить выплату болгарских правителей русской стороне в 1376 г. «князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводам и ратем 3000 рублевъ» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 116).

необъяснимую поспешность, с которой, согласно Повести Рог, покидал Русь Едигей, смысл столь оптимистично звучащего финала надо истолковывать иначе. Уход Едигея из-под Москвы летописец воспринимает как чудо. То беспокойство, которое Едигей испытывает перед уходом, заставляет вспомнить тоpos летописных рассказов о военных столкновениях с врагами, когда последние обращаются в бегство «никем же гонимы»⁴⁵. «Никем не гоним» бежит Святополк (ПВЛ), Ягайло в Летописной повести о Куликовской битве (СІ–НІV), эта же формула используется в НІ в рассказе о нашествии Тохтамышша — уже применительно к русским. Другое объяснение бегства врагов — это «гонимы гневом Божиим». Так бегут торки от Изяслава, Святослава и Всеволода в 1060 г. (ПВЛ), в 1367 г. — Булат Темир (Рог), татары на Воже (Рог), на Куликовом поле (Рог) и др. Определенная аналогия может быть усмотрена и в рассказе о Темир Аксаке, который уходит без боя.

Характерен и ряд умолчаний Повести. В первую очередь, показательное отсутствие упоминаний о поведении великого тверского князя Ивана Михайловича. Согласно Тр, Едигей «велел» последнему прийти под Москву с тверской ратью и «градобитным» оружием. Московский летописец говорит, что Иван Михайлович лишь сделал вид, что идет к Москве — без рати, а от Клина возвращается в Тверь. Видимо, это свидетельство соответствовало действительности, ибо татары позже повоевали именно Клинскую область. Но если в московской летописи поступку Ивана Михайловича высказывается ироническое одобрение: «таковымъ коварством перемудрова»⁴⁶, то тверской летописец предпочел не сообщать об этом вовсе.

Другое умолчание уже упоминалось — оно касается уплаты окупа. Как было показано, уход Едигея представлен в Рог как чудесное избавление Москвы, развивая этот мотив, для составителя Повести естественно и далее умолчать о том, какое богатство увозили с собой татары и сколько пленных вели (что красочно передано в Тр).

При этом отсутствие ряда сведений по сравнению с другими источниками едва ли правомерно объяснить какой-то определенной тенденцией — оно могло быть связано с тем, что автор такими сведениями не располагал, или эти факты представлялись ему несущественными. К такому возможно отнести сообщение, имеющееся в Тр и отсутствующее в Рог, о том, что за Василием Дмитриевичем была послана погоня, которая не преуспела, целый ряд имен — как с татарской, так и русской стороны — и пострадавших населенных пунктов, которые в Рог не упомянуты, а в других летописях указываются.

Учитывая сходство публицистической манеры автора Повести с манерой, в которой написан рассказ об обновлении Спасского собора в Твери, Похвала и Повесть о преставлении Михаила Александровича, можно сделать предположение, что их писал или редактировал один и тот же книжник — по заказу Ивана Михайловича для свода, который доходил до 1411 г. и отразился в общем протографе Рог—Сим.

Что можно сказать об осторожно высказанном предположении Н. В. Трофимовой в отношении авторства Епифания Премудрого? Поскольку во время Едигеева нашествия Епифаний был в Твери⁴⁷, теоретически написание им Повести возможно. Однако как раз сходства стиля Повести с произведениями Епифания Премудрого и не наблюдается. Перечисленные Н. В. Трофимовой черты стиля Повести с формальной точки зрения можно считать характерными для «плетения словес». Но из числа перечисленного только синтаксический параллелизм и внутренние рифмы характерны непосредственно для Епифания Премудрого. Сложные двухкоренные слова — это влияние греческой традиции, где такие неологизмы были распространены еще начиная с античности⁴⁸. Что же касается парных или «триадных» синонимов, то А. С. Деминым они отмечались как присущие ранним нарративным

⁴⁵ Ср.: «и побѣгнете никомѣже гонацѣ вась» (Лев. 26:17); «Бѣгаеть нечестивии ни единомѣ же гонацѣ» (Пр. 28:1).

⁴⁶ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 468.

⁴⁷ Об этом известно из его Послания Кириллу Тверскому (см.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 441).

⁴⁸ В частности, сложные слова, приведенные Н. В. Трофимовой, встречаются в Хронике Георгия Амартола, Пандектах Никона Черногорца, Житии Валаама и Иосафа, Словах Григория Богослова и т. д., а также в русских памятниках — сочинениях митрополита Илариона, Кирилла Туровского, ряде русских житий.

памятникам (исследователь говорит об «архаической повествовательной манере») элементы «нагнетальной» образности, которой свойственны как синонимы, так и тавтологии⁴⁹.

Сам же принцип «плетения словес» у Епифания иной, он индивидуален, хотя впоследствии вызовет к жизни многочисленные подражания. Подражания эти, как правило, останутся в рамках агиографии, с ее топосами и традиционной композицией. Вне жанра манера Епифания могла быть трансформирована только самим Епифанием. Но в распоряжении исследователей нет достоверного летописного текста, принадлежащего его перу.

«Плетение» у Епифания-агиографа не просто «украшение» смысла, а поиск его, выбор слова и слов для точного выражение сути описываемого — во всей его многогранности. Когда он говорит: «**Но что тѣ нареку, в епископе, или что тѣ именую, или чим тѣ призовоу, и какъ тѣ провѣщаю, или чим тѣ мѣню, или что ти приглашоу, како похвалю, какъ почтоу, какъ оублажю, како разлужоу, и како хвалоу ти съплетоу?»**⁵⁰, — он не только заявляет о своем намерении сложить похвалу святому, но и одновременно демонстрирует то, как он это будет делать. Всякому предмету и явлению есть много названий, «имен», каждое из них — «рядом» со смыслом, и только все в совокупности его выражают⁵¹. Таким образом, «плетение словес» Епифания Премудрого — это не просто сложность и цветистость фразы, а определенная структура форм и смыслов, которую, конечно, можно попытаться «разять» «как труп», дабы сравнить с другими сочинениями, но это неизменно повлечет за собой издержки и огрубления, сопутствующие аналитическому подходу к феномену, созданному талантом. Достаточно показательно, думается, привести два фрагмента — из Епифания и Повести, чтобы убедиться в различии авторских манер. Из Жития Сергия выбрано место, тематически максимально близкое к Повести, чтобы сравнить пассажи о «зависти»: дьявола — успешному подвизанию Сергия, с одной стороны, и татар — процветанию Русской земли, с другой:

«Хотяше бо диаволь прогнати преподобнаго Сергия от мѣста того, завидя спасению нашему, купно же и бояся, да никако пустое то мѣсто въздвигнет Божию благодатию, и монастырь възградит възмогъ своим терпѣниемъ, и еже от себе тѣцианиемъ же и прилежаниемъ, яко нѣкую весь наплънит, или яко нѣкую населит селитву, и яко нѣкий възградит градець, обитель священную и вселение мнихом съдѣлает въ славословие и непрестанное пѣние Богу»⁵².

«Вражебнии же измаилътяне не можаху завистию зрѣти толика посѣщения челоуѣколюбца Бога на христоименитых людех, завистию поджигаемы бывахут, не тръпяхуть зрѣти испълнения земле Русскыя и благоврѣменьства християньска, многажды покушася приити и разорити таковыя красоты величество и славу отторгнути христоименитых люди» (Стб. 178).

Очевидно, что ритмически фразы отнюдь не сходны. Кроме того, в первом случае — типичное для Епифания повторение одинаковых конструкций с единоначалиями: «яко нѣкую...», что не встречается в Повести.

Вместе с тем, подобный вопрос не может быть решен только путем сравнения стиля, ибо сопоставление стиля агиографических и летописных повествований не показательно, а летописных текстов, принадлежащих перу Епифания, как уже говорилось, нет.

Таким образом, Повесть о нашествии Едигея в Рог — выдающийся памятник русской средневековой публицистики, созданный в Твери по материалу рассказа очевидца событий. Как уже говорилось, Повесть оформлялась в ближайшее время после описываемых событий, была включена в

⁴⁹ См.: Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве. М., 2003. С. 106–111.

⁵⁰ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 102.

⁵¹ См. об этом подробно: Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника. М., 2000. С. 161–164; Она же. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 79–85.

⁵² Житие Сергия Радонежского, составленное в 1418 г. Епифанием Премудрым // Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 315.

Свод 1411 г.⁵³ Попытки Я. С. Лурье отнести ее создание на время после 1430 г. противоречат данным, рисующим взаимоотношения летописных сводов. Окончание Рог и граница общего с ним источника в Сим, обрыв на 1408 г. Тр — все это говорит об оформлении московского и тверского сводов в 10-е годы XV в. Что же касается употребления по отношению к Витовту слова «тогда», явившееся главным аргументом Я. С. Лурье для более поздней датировки и свода, и Повести, то это всего лишь традиционный эпический оборот рассказчика. Не только многочисленные фактические подробности, но и яркость впечатлений, переданная рассказчиком, дает возможность говорить о раннем возникновении Повести.

---

⁵³ В исследовании Н. Г. Гришиной показано, что последним годом общих известий Рог и Сим был не 1412, а 1411 г. (см.: *Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца. АКД. М., 2003. С. 20, 26*).

